

© 2007 г. *И.В. Бакаева*

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РФ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Формирование нового общественно-правового строя в России конца XX в. неизбежно поставило перед юристами множество новых острых вопросов в области теории права и законотворческой практики. Поиски соответствующих системных решений велись в историческом цейтноте, с присущими такому процессу достижениями и упущениями. Отметим в первую очередь те, что актуализируют историко-правовой ракурс рассмотрения предмета современного гражданского права. Во-первых, это существенное влияние традиций юридического мышления, породившее инерцию наследования идей и подходов, сложившихся в советский период развития гражданского законодательства. Во-вторых, использование моделирующего «образца» в формировании конституционных принципов и основ построения системы гражданского права, взятого у «цивилизованных» западных стран, где рыночный тип имущественных отношений эволюционировал столетиями. Они в определенной мере переводят наше рассмотрение в область коллизий правовой культуры, делая это исследование отчасти философско-правовым и проясняя идейную природу, а также методологические корни нынешнего дихотомического деления предмета российского гражданского права.

Многие из современных цивилистов отмечают наличие проблемы соединения в предмете гражданского законодательства имущественных и неимущественных отношений в виду их очевидной неоднородности, а также дискутируют вопрос о возможности регулирования последних. Законодатель сегодня характеризует отношения, регулируемые гражданским законодательством, как имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Включение интеллектуальной собственности, информации, нематериальных благ в систему объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) и возникающих по поводу данных объектов имущественных и личных неимущественных отношений в состав общественных отношений, регулируемых и защищаемых гражданским законодательством, диверсифицировало его предметную область. В еще большей степени такое влияние оказывает законодательное установление гражданско-правовой охраны неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ (п. 2 ст. 2 ГК РФ). Они являются конституционной ценностью, но принципиально выведены из сферы регулирования, хотя подобной позиции отечественный законодатель придерживался не всегда (отступление в сторону регулирования было сделано в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.). В связи с включением, пусть усеченным, в область предмета гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу личных неимущественных прав, давно идут споры теоретико-методологического характера. Конвенциональное суждение прагматически ориентированных цивилистов, исходящих из незыблемости основ действующего законодательства, состоит в следующем: человек и его личные нематериальные блага занимают центральные позиции в ценностной иерархии гражданского общества; они включены в сферу гражданских интересов, для регулирования и защиты которых естественно наиболее приемлемы гражданско-правовые механизмы. Специфику последних охарактеризовал еще столетие назад И.А. Покровский: «Гражданское право как система юридической децентрализации по самой своей структуре покоится на предположении множества маленьких центров, автономных строителей жизни в тех областях, которые охватываются гражданским правом» [1, с. 107]. Одним из способов преодоления теоретической коллизии, сложившейся во взглядах на предмет гражданско-правового регулирования, стало обращение цивилистов к методу правового регулирования как фактору, дифференцирующему отраслевую специфику гражданского права [2, с. 55]. Тем более, что тонкое методологическое обоснование возможности обойти необходимость прямого сущностного доказательства единства предмета гражданско-правового регулирования предложил почти полвека назад С.С. Алексеев, показавший, что регулирование каких-то отношений методами уже сложившихся отраслей права – следствие, их единства с основным предметом данной отрасли [3, с. 149-150]. Однако возможности применения метода регулирования как критерия отраслевого деления права, по понятным причинам, не могут считаться корректным и исчерпывающим способом причисления личных неимущественных отношений к гражданско-правовой сфере. На наш взгляд, определенная эвристика подобного подхода не освобождает современных цивилистов от проведения теоретических исследований в направлении поиска гомогенной основы возникновения имущественных, связанных с ними неимущественных и не связанных с имущественными личных неимущественных отношений, и тем самым унификации предмета гражданско-правового регулирования по характеристикам, отнесенным непосредственно к природе таких отношений.

Сохраняющаяся дискуссионность вопроса о причинах очевидной неоднородности этих групп социальных отношений, включенных в предмет гражданско-правового регулирования и защиты, заставляет нас обратиться к исследованию историко-правовой традиции, ее роли в строительстве новой российской

гражданско-правовой системы. Надо учитывать, что в XX в. в стране дважды менялся общественно-политический строй, а вместе с ним и вся институционально-правовая система, но личные неимущественные права сохраняли в гражданском законодательстве если не свой прежний статус, то структурное присутствие. И это несмотря на то, что «административные юридические реалии советского времени» породили «истинную драму советского гражданского права, особенно в той его части, которая строилась по конструкциям ГК 1922 г., воспринявшим через дореволюционные проекты достижения мировой частноправовой культуры» [4, с. 598]. Казалось бы, эти и подобные факторы актуализировали соответствующие теоретические изыскания в советский период; должны были быть намечены контуры концептуального определения содержания предмета регулирования в дореволюционной цивилистике, в период юридической институционализации частноправовых начал, однако исторический анализ выявляет, что данный вопрос так и не был разрешен в российской гражданско-правовой науке ни на одном из этапов ее развития. В досоветский период – в силу противоречивости недостаточно развитой правовой системы, в которой уживались архаические элементы и прогрессивные искания в направлении создания стройной юридической системы западноевропейского типа; в советский период – в силу идеологического выхолащивания самой сути частноправовых подходов из науки и законотворческой деятельности. Последняя тенденция не могла не привести к определенной формализации подходов в определении предмета гражданско-правового регулирования. Так, полвека назад, основоположник дискуссии о системе советского права, А.В. Венедиктов вообще отвергал необходимость установления гражданско-правовой охраны не связанных с имущественными, личных неимущественных отношений. Она, по его мнению, в достаточной степени обеспечивалась нормами других отраслей права [5, с. 26-33]. Выводя личные права (так обозначался предмет анализа до дискуссии о гражданском праве 1954–1955 гг.) за пределы не только регулирования, но уже и защиты, он практически ставил под сомнение основания включения соответствующих норм в состав гражданского законодательства. Другая позиция, также исключаящая отношения по поводу нематериальных благ из структуры предмета гражданско-правового регулирования, была представлена В.А. Тарховым, обосновывавшим, что личные неимущественные отношения составляют самостоятельный предмет правового регулирования. Теоретическая оппозиция его точке зрения оказалась, по сути, методологически малоубедительной, поскольку основным аргументом критики выступало указание на то, что удельный вес всех этих отношений «слишком невелик для регулирования их самостоятельной отраслью права» [6, с. 60]. Несмотря на то, что личные неимущественные права не теряли своего места в системе советского гражданского права ни до, ни после упомянутой широкой дискуссии цивилистов, какой-либо целостной концепции, обосновывающей их сущностную связь с имущественными отношениями в структуре предмета гражданско-правового регулирования, не было предложено. В результате вторая кодификация советского гражданского законодательства закрепила амбивалентный статус личных неимущественных прав. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. регулировал личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, только в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 1 ГК РСФСР). В частности, ст.7 ГК была посвящена защите чести и достоинства, ст. 514 ГК – охране интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства, а также предусматривалось право на возмещение вреда, причиненного здоровью или смертью кормильца (ст. 459.1). Не была теоретически обоснована и существенная подвижка в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., по которым личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, согласно ст. 1, регулировались гражданским законодательством, если иное не было предусмотрено законодательными актами либо не вытекало из существа самого личного неимущественного отношения. Включение этих отношений в предмет гражданско-правового регулирования обосновывалось присущими им признаками частных прав: самозащитой интересов и равенством субъектов, ни один из которых не обладает принудительной властью над другим, – т.е. формально значимыми, но не сущностными, признаками. Действующий Гражданский кодекс РФ (ч. 1, 1994 г.) формально выводит личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, из предмета гражданско-правового регулирования. Вместе с тем анализ соответствующих статей ГК РФ выявляет скрытые признаки регулирования. Как показали специальные исследования [7, с. 26-27], ст. 128 ГК РФ включает нематериальные блага в число объектов гражданских прав; ст. 150 ГК РФ учитывает принадлежность гражданину отдельных личных неимущественных прав и нематериальных благ от рождения, что трактуется как существование до нарушения; п. 2 ст. 3 ГК РФ указывает на то, что отношения, указанные в п. 1 и п. 2 ст. 2 ГК РФ (т.е. включая личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными), регулируются гражданским законодательством. Таким образом, современная позиция законодателя относительно личных неимущественных прав и нематериальных благ и возникающих в связи с ними личных неимущественных отношений несколько противоречива, и в первую очередь это проявляется в отказе от их регулирования, хотя предшествующая цивилистическая традиция и законодательная практика его в принципе допускала. Парадокс развития соответствующего направления современной гражданско-правовой теории состоит в том, что проблема единства предмета отраслевого регулирования только усугубляется результатами достигнутого существенного продвижения в анализе личных неимущественных прав. Наиболее системные попытки в их исследовании в настоящее время были сделаны М.Н. Малеиной, которая отнесла к признакам гражданских неимущественных прав их нематериальный характер, направленность на выявление и развитие индивидуальности, особенности объекта, специфику оснований их

возникновения и прекращения [7, с. 11], и Л.О. Красавчиковой, выделившей такие существенные характеристики личных благ, как их внеэкономическая природа, нетоварность, самооценность для носителя, неотделимость (неразрывная связь) с личностью [8, с. 22-24].

Методологической аксиомой является описание предмета отраслевого регулирования как охватывающего однотипные, однородные отношения, которые соответствуют признакам гомогенного правового положения субъектов, сходства объектов прав, общности типа межсубъектного взаимодействия и вытекающей отсюда общности метода правового регулирования. «Определение предмета немислимо без выявления характерных черт этих отношений» [9, с. 365]. Обозначенные же признаки, на наш взгляд, в большей степени подчеркивают глубокую дифференциацию предмета гражданско-правового регулирования, существенную разницу между имущественными и личными правами и отношениями, нежели выявляют основу их единства. Более того, традиционно признается, что основное ядро, центральный элемент гражданско-правовых отношений образуют именно имущественные отношения. В своей статике они регулируются посредством юридической конструкции собственности и ограниченных вещных прав, в динамике – обязательственным правом, учитывающим юридические статусы участников оборота в системе отношений присвоения. Объекты имущественных отношений, как правило, участвуют в обороте, имеют стоимостную экономическую природу, вещественную материальную субстанцию и товарную форму движения. Это удобная, логичная, «прозрачная» и потому инструментально доступная система характеристик, позволяющая использовать, по сути, универсальную конструкцию правового регулирования данного типа социальных отношений. Мы видим, что на практике законодатель стремится к приведению «отклоняющихся» от «имущественного эталона» типов отношений к моделирующему формату. Например, в действующем законодательстве личные неимущественные отношения в сфере интеллектуальной деятельности признаются связанными с имущественными и регулируются гражданским правом путем закрепления исключительных прав на полученные результаты (п. 1 ст. 2 ГК РФ). К личным неимущественным правам такой подход неприменим, поэтому законодатель ограничивается их весьма неполным перечислением (в котором скорее указание на особый тип отношений, нежели его характеристика по системным признакам) и устанавливает гражданско-правовую защиту (ст. 150 ГК РФ).

Здесь представляется важным подчеркнуть, что право – понятие идеальное, и лишь проявляясь в субъект-объектной связи, оно получает материальное, или, в частном случае, конкретно-вещественное бытие, столь очевидное для основной массы имущественных отношений. Объектами гражданских прав согласно ст. 128 ГК РФ выступают вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Дифференциация этих групп объектов предопределяет мнимую самоочевидность типологического различия между соответствующими правоотношениями. На наш взгляд, обычно барьером осознания цивилистами глубинной конструкции правоотношения является невосприимчивость к общеметодологической трактовке природы социального отношения, в субъект-субъектной структуре которого всегда скрыты субъект-объектные связи, и недопонимание субстанциональной природы нематериального объекта в структуре субъект-объектного (в этом случае уже не вещного) отношения. На пути соответствующего «домысливания» объектных проекций в структуре гражданского правоотношения мы видим возможности разработки ряда методологически значимых обоснований унификации предмета гражданско-правового регулирования [10, с. 33-38].

Как же возникла устойчивая юридическая генерализация, определяющая приоритет имущественных отношений даже в нынешний период, когда в центр построения новой правовой системы перенесены неотчуждаемые права и свободы гражданина, провозглашенные в ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью? Отчасти, как мы видели, дело в отечественной правовой традиции, которая на протяжении всего советского периода не позволяла себе идейно признавать «ничего частного» [11, с. 398] и утверждала господство «публично правового». Отчасти же это следствие восприятия классического римского частного права, ядро которого складывалось в детальной разработке принципов и механизмов регулирования имущественных отношений, правовой институционализации собственности. Вместе с тем не стоит забывать, что юридическая конструкция собственности в Древнем Риме не отражала и не опиралась по своей сути на фактическое отношение человека к вещи, а сам характер отношения связывался с моментом имущественного господства: «Римская юриспруденция не выработала (или не считала нужным выработать) «единого» и «абсолютного» права собственности. Даже не пытаясь сформулировать это понятие, юристы обозначали собственность местоимениями «мое», «твое», «наше»... в римском классическом праве не существовало аналога современного понимания права собственности; в нем собственность определялась через категорию власти и принадлежности» [12, с. 16-17]. Это идеальное отношение распространения воли и влияния субъекта на подвластные ему вещи закрепилось в праве, легитимируясь позднейшими методологическими обоснованиями многих авторитетных цивилистов и философов права. «Присвоить, следовательно, означает в сущности лишь манифестировать господство моей воли над вещью. ...Это манифестирование совершается посредством того, что я привношу в вещь другую цель, иную, чем та, которую она непосредственно имела... я даю ей мою душу» [13, с. 104, 109], – так описывал суть вещного отношения Гегель. Представляется необычайно важным подчеркнуть, что явное стремление «очеловечить», более того, «одухотворить» (внося аксиологический оттенок) природу вещного отношения в европейской

традиции философии права, которая сегодня прослеживается и в возрождении естественно-правовых идей российской цивилистики [14, с. 39], имеет далеко не идеалистические основания. Индивидуальная свободная воля, придающая бытию вещей целесообразность и смысл (полезность), в европейской правовой антропологии считается сутью естества или природы человека. В ней усматривается абсолютное и фундаментальное основание человеческих прав, нарушение которых разрушает естественную, природой установленную справедливость. Отсюда проистекает понятие естественного права. В такой философско-правовой трактовке реализация свободной воли, направленной на конкретный круг вещей, в более широком смысле – на имущество, по сути, определяет меру и границы социальной свободы человека. Более того, волевое господство над имуществом конституирует человека в качестве гражданина (в Риме – свободного горожанина), делает его субъектом частного права. Напротив, абсолютно неимущий человек становится несвободным, рабом, и объективируется правом как часть чужого имущества, принадлежащая в качестве вещи другому лицу.

Возвращение к методологическому принципу анализа имущественных и личных неимущественных гражданско-правовых отношений как имеющих общую генетическую природу выражения естественных прав и общественно допустимых границ социальной свободы человека несет в себе, на наш взгляд, мощную эвристическую проекцию. Только на этой основе можно показать, что «сама природа социальной и правовой свободы определяется глубинными экономическими явлениями, отношениями собственности. Исторический прогресс свободы и права свидетельствует о том, что формирование и развитие свободной, правовой личности необходимым образом связаны с положением человека в системе отношений собственности» [15, с. 76-86]. В этом теоретико-методологическом контексте общая глубинная сущность имущественных и неимущественных отношений – присвоение благ как основа естественного права – позволяет конкретизировать потенциал методологической эвристики собственности. Наиболее плодотворную, на наш взгляд, идею здесь выдвинули С.А. Зинченко и В.В. Галов, предположив, что «в сфере жизнедеятельности человека и гражданина отношения по поводу личных нематериальных его благ, а также физического и социального благополучия также являются отношениями собственности, реализуемыми вне вещно-имущественных форм» [12, с. 28-29]. Мы также неоднократно высказывались о возможности раскрытия природы неимущественных отношений, складывающихся по поводу нематериальных благ, через конструкцию превращенной формы собственности [10, с. 33-38]. Поскольку присвоение блага является центральным элементом отношений собственности, мы можем и должны рассматривать его как методологическую предпосылку раскрытия существа и юридических форм всего круга отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования.

Литература

1. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
2. *Зинченко С.А., Шапсугов Д.Ю., Корх С.Э.* Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов-на-Дону, 1999.
3. *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. 1959.
4. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
5. *Венедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2.
6. Редакционная статья // Советское государство и право. 1955. №5.
7. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000.
8. *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ. Екатеринбург, 1994.
9. *Яковлев В.Ф.* К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных отношений // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сборник статей. М., 2001.
10. *Бакаева И.В.* Структура предмета гражданско-правового регулирования: вопросы методологии // Современное право. 2005. № 11.
11. *Ленин В.И.* О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курбскому 20 февраля 1922 г. // Полн. собр. соч.
12. *Зинченко С.А., Галов В.В.* Собственность и производные вещные права: теория, практика. Ростов-на-Дону, 2003.
13. *Гегель Г.В.* Философия права. М., 1990.
14. *Петрова Л.В.* О естественном и позитивном праве / Государство и право. 1995. № 2.
15. *Бондарь Н.С.* Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В настоящее время предпринимаются конкретные шаги по пути реформирования российской судебной системы. В связи с этим сегодня чрезвычайно актуально снова обратиться к историческому наследию. Всестороннее и подробное изучение уникального опыта реформирования отечественной судебной системы в 60-80-е гг. XIX в. позволит избежать многих ошибок и сделать наиболее правильный выбор проведения современной судебной реформы с обязательным учетом региональных особенностей страны. Процесс подготовки и проведения судебной реформы в Земле войска Донского проходил с 1860 по 1873 гг. в три этапа [1, с. 76-77]. Так, первый этап охватывал 1860-1864 гг. В это время разработка предложений о реформе суда проводилась в Донском Кодификационном комитете, на деятельность которого оказывали существенное влияние общественно-политические настроения, царящие среди местного населения [2]. В конце 50-х - начале 60-х гг. XIX в. в среде донского казачества наблюдался общественный подъем, являвшийся отражением первой революционной ситуации в России.

Необходимость реорганизации судебного и административного аппарата на Дону, создания нового Положения о Войске Донском осознавали буквально все категории местного населения. Вместе с тем, явно проявлялась сословная ограниченность – донские казаки считали, что реформирование не должно ни коим образом затрагивать их основные права и преимущества. Распространившиеся среди населения слухи, что «казаков хотят превратить в крестьян, а Войско Донское – в губернию» вызвали всплеск казачьего автономизма [3, с. 60-61]. Донским Кодификационным комитетом, деятельность которого, по оценке войсковой администрации, не пользовалась популярностью и вызывала недоверие со стороны казаков [2], были подготовлены в 1862-1864 гг. следующие проекты судебных преобразований: «О применении Основных положений о преобразовании судебной части в России от 29 сентября 1862 г. к Земле Войска Донского»; «Основные начала Положения о Войске Донском», включающие в себя раздел об устройстве и организации донского суда; проекты о введении на Дону института судебных следователей. Заметим, что все эти проекты основывались на двух главных привилегиях Войска Донского: «замещении всех административных и судебных должностей по внутреннему управлению войска, во-первых, по выбору и, во-вторых, только лицами войскового сословия» [5]. Как видим, всякие опасения донского дворянства и казачьей верхушки по поводу возможного отказа Кодификационного комитета от сословных прав и привилегий казачества оказались совершенно напрасны.

Содержание проектов и ход их обсуждения в Кодификационном комитете наглядно свидетельствовали о том, что все категории донского населения, в том числе и рядовые казаки, были недовольны существовавшей юстицией и возлагали надежду на новые принципы судостроительства и судопроизводства, провозглашенные «Основными положениями» 1862 г. [5]. В рассматриваемых проектах предусматривалось снижение имущественного ценза для мировых судей. При этом преследовалась цель – предоставить право участия в формировании судейского корпуса обер-офицерам, составлявшим основной контингент дореформенных судов. Это подтверждает, что данные проекты носили компромиссный характер, выражая интересы не только немногочисленного крупнопоместного дворянства. В конце 1863 г. вышеуказанные проекты были высланы для рассмотрения в Петербург. После обсуждения в 1864 г. в министерстве юстиции проекта «Основных начал Положения о Войске Донском», из него были изъяты все «черты автономного характера». Так, в первую очередь, подвергся резкой критике принцип замкнутости казачьего сословия и указывалось на необходимость облегчить условия приема в него, что способствовало бы его развитию. Министерство юстиции отвергло предложение Донского комитета о выборности всех судебных чиновников, к тому же, исключительно из числа казаков [5]. Аналогичная реакция со стороны министерства юстиции последовала и на проект о введении на Дону судебных следователей. В отказе говорилось: «... домогательства дворян Войска Донского и Донского Кодификационного комитета о своих привилегиях на выборное право и самоуправление при обсуждении этого вопроса не имеет основания, т.к. система назначения судебных следователей от правительства признана наиболее разумной и соответственной этому учреждению, и самые следователи будут назначаться из местных казаков...» [5].

Закон о введении судебных следователей в Земле Войска Донского был утвержден императором лишь в апреле 1867 г. Согласно ему, на Дону вводился институт судебных следователей в соответствии с Судебными Уставами 1864 г. [5]. Проект Донского комитета «О применении Основных положений 1862 г. к ЗВД» был рассмотрен комиссией по преобразованию судебной части России только в начале 1867 г. [5]. Многие поправки Донского комитета с обсуждения были сняты, что объяснялось их отражением в принятых к этому времени Судебных Уставах. В отношении предложений о выборности всех судей на Дону говорилось, что «столь коренное изменение «Основных положений» ни в коем случае не может быть допущено» [5]. Итак, решения, принятые центральными органами в процессе обсуждения донских проектов реорганизации суда, показали, что политика царского правительства по отношению к казачеству Дона в условиях буржуазного развития России в целом не изменилась. В октябре 1865 г. был образован Комитет для пересмотра казачьих законоположений при Главном управлении иррегулярных войск (ГУИВ) военного министерства, куда теперь и поступали из местных комитетов все проекты реформ в казачьих войсках [2].

Таким образом, окончательная судьба всех донских реформ, включая и судебную, решалась в центре. Но заметим, что на Дону, в отличие от российских губерний, большую роль играло военное министерство в лице Комитета по пересмотру казачьих законоположений [6, с. 133]. Донской Кодификационный комитет был закрыт в сентябре 1866 г. [2].

Второй этап судебных преобразований на Дону длился с 1864 по 1870 гг. С утверждением Судебных Уставов в ноябре 1864 г. подготовка судебных преобразований на территории войска Донского вступила в качественно новую стадию. Теперь главное внимание было обращено на решение вопроса о том, как вводить судебные учреждения на Дону: полностью или с ограничениями, сразу или по частям. Одновременно шла подготовка к проведению судебных преобразований путем перевода «старых» судебных учреждений на режим «облегчительных правил». Теперь основная деятельность по разработке проектов сосредоточивалась в высших правительственных учреждениях [1, с. 76, 93-114]. К концу 60-х гг. XIX в. были приняты «переходные меры», в результате которых донские суды были юридически приравнены к губернским судам. В процессе унификации была ликвидирована одна из традиционных привилегий войска Донского – право выбора судебного персонала [7].

В феврале 1870 г. при министерстве юстиции был срочно образован особый комитет, который к концу марта этого же года подготовил проект закона о введении мирового суда на Дону [5]. Основу проекта составляли два заключения: о возможности раздельного введения мировых и общих судов и проведения судебной реформы до появления на Дону земских учреждений. В мае 1870 г. императором были утверждены указ и Временные правила о введении мировых судебных установлений в Земле Войска Донского [7]. В указе подчеркивалось, что «мировые судебные установления открываются на точном основании Судебных Уставов 1864 г. и Положения от 19 октября 1865 г. с применением до введения земства временных для ЗВД правил» [7]. Во Временных правилах детально регламентировались организация выборов и порядок переустройства донских судебных органов [4].

Нельзя не отметить, что власти закрепили во Временных правилах такую избирательную систему, которая полностью обеспечивала преобладание казачьего сословия на Дону. Безусловно, она удовлетворяла главным образом запросы средних зажиточных слоев и верхушки казачьего населения. Заметим, что данная избирательная система на донской земле существовала с незначительными изменениями практически до 1917 г. Временные правила также регулировали проведение реорганизации судебной системы в связи с поэтапным введением Судебных Уставов. Одновременно с объявлением о введении мирового института в Земле Войска Донского были опубликованы «Правила о подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск», утвержденные в конце марта 1870 г. Помимо разрешения вопросов, касающихся военной подсудности, данный закон окончательно закрепил результаты процесса унификации донского суда с губернским и подчинение казачества Дона общеимперским законам [7].

Третий, завершающий этап судебных преобразований в Земле Войска Донского проходил в 1870-1873 гг. Его особенность состояла в раздельном введении новых судебных учреждений и существовании в связи с этим так называемой «переходной юстиции» [1, с. 76-77, 114-133]. Мировые суды стали функционировать на Дону только через год после принятия соответствующего закона. Войсковая и окружная администрации сыграли решающую роль в практическом создании судебных органов. В середине июля 1871 г. приступила к работе Войсковая Палата уголовного и гражданского суда [7]. Постепенно во всех округах мировые судьи стали открывать свои камеры [5]. Всего на территории Войска Донского было сформировано 37 судебно-мировых участков [5]. Функционирование «переходной юстиции» на Дону длилось с 1871 по 1873 гг. За это время ее состояние было явно неутешительным, что побудило местную администрацию предпринять дальнейшие усилия к введению на донской земле Судебных Уставов в полном объеме. С этой целью в марте 1871 г. в Новочеркасске был учрежден специальный Донской комитет, который в результате своей деятельности признал возможным применить Судебные Уставы на Дону без серьезных изъятий из общего закона. Кроме этого, в проекте комитета выдвигались предложения о дополнении общего закона [5]. После того, как Военный Совет и министерство юстиции одобрили эти поправки, было дано разрешение начать подготовку открытия общих судебных мест [5]. 20 марта 1873 г. царь утвердил мнение Государственного Совета о введении на Дону Судебных Уставов в полном объеме [7]. В эти годы царское правительство значительно укрепило на территории Войска Донского аппарат прокурорского надзора. В 1873 г. здесь стали функционировать адвокатура и нотариат [7]. Таким образом, в Земле Войска Донского, являвшейся единственной «неземской областью», в отличие от центральных губерний, судебная реформа была проведена по частям, но в полном объеме, без всяких ограничений. При этом царизм старался соблюдать внешнюю «демократичность» в обращении с донским казачеством, но на практике все вопросы, связанные с проведением судебной реформы на Дону, решались в центральных правительственных органах.

На Северном Кавказе судебная реформа состоялась в декабре 1870 г. А годом раньше, 30 декабря 1869 г., было обнародовано постановление о введении на Кубани и Тереке «Временных правил горских словесных судов», в соответствии с которым Судебные Уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население данных областей. На горцев же это положение не распространялось. В вышеуказанных правилах предусматривалось временное сохранение народных судов, учрежденных в 1858 г. [8, с. 38].

В округах стал действовать окружной словесный суд под руководством начальника округа или его помощника. Его члены назначались из представителей господствующей верхушки. Состав этих судов, а также все их решения по гражданским и уголовным делам обязательно утверждал начальник Кубанской и

Терской областей. Вместе с тем, в Кабарде, Балкарии, Осетии, в равнинных районах Грозненского и Хасав-Юртовского округов, на Кубани были созданы аульные суды. В Аргунском и Веденском, в горной части Грозненского и Хасав-Юртовского округов учреждались участковые суды. В ведении этих судов находились уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества. Более же важные уголовные дела (например, нанесение ран, увечья, случайные убийства) отдавались на рассмотрение окружных словесных судов [8, с. 38-39].

При разбирательстве дела суд руководствовался статьями «адата – обычного права, сложившегося в недрах первобытнообщинного строя и трансформировавшегося вместе с развитием общества по пути классообразования» [9, с. 132]. Заметим, что при решении таких вопросов, как заключение и расторжение брака, личные и имущественные права и т. д., по-прежнему применялся адат. Но в тех случаях, когда при применении адатных положений не было прецедентов, то судами использовалось общеимперское судебное законодательство. Безусловно, это указывало на то, что началось нивелирование различий между прежними горскими судами и общеимперскими судебными законоположениями. В это время отсутствовала хорошо организованная апелляционная инстанция. Как видим, адат явился «отправной точкой организации системы нового судопроизводства». Суд оказался в подчинении кавказской администрации [8, с. 39]. С 60-х гг. образуется новая система судопроизводства в Дагестане. В Дагестанском областном суде, председателем которого являлся помощник начальника области, дела разбирались по общим российским законам. Лица местного коренного населения судились в нем по общим имперским законам только в тех случаях, если преступление было совершено ими на территории, где существовало гражданское управление или же если они не принадлежали к дагестанскому народу [8, с. 39]. Одновременно с областным судом был создан Дагестанский народный суд, а также окружные суды, в которых судебные дела между коренными жителями решались на основе адата, шариата и особых правил. В Дагестанский суд входили «именитые и сведущие туземцы». Его члены назначались на усмотрение начальника области. Председателем этого суда был помощник начальника области. Все же решения последнего утверждались начальником области. Что касается окружных судов, то в них, кроме председателей из числа русских офицеров, заседали кадии и по одному члену от каждого наибства из представителей богатой местной верхушки. Члены окружных судов также назначались начальством. В окружных судах разбор дел производился гласно на родных языках, а решения фиксировались в письменном виде на русском языке. Недовольным была предоставлена возможность обращаться с жалобами на решения окружных судов в дагестанский народный суд [8, с. 39].

Нельзя не отметить, что новая система судопроизводства находилась в подчинении военной администрации, и абсолютно ничего народного в ней не было ни по форме, ни по содержанию. Военные в любой момент имели право отстранить судей от занимаемых должностей. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты, защитники. «Существенной особенностью судебной системы в Дагестане в отличие от России являлось отсутствие каких-либо буржуазных черт и ее военно-феодалная сущность» [8, с. 39].

В 1875 г. Дагестанский народный суд подвергся упразднению, а вместо него в городах Дербенте, Петровске, Темирханшуре открылись мировые отделы, руководствующиеся в своей деятельности Судебными Уставами 1864 г. Мировые отделы находились в ведении Тифлисской судебной палаты и Бакинского окружного суда [8, с. 39-40]. Таким образом, судебная реформа на Северном Кавказе носила непоследовательный, половинчатый характер. Но в целом она имела прогрессивное значение, так как вместе с другими буржуазными реформами существенно подорвала основы патриархально-феодалных отношений, хотя остатки последних продолжали о себе давать знать в пореформенный период. В отчете за 1855-1880 гг. наместник Кавказский указывал, что «хотя результаты деятельности новых судебных установлений и нельзя признать вполне удовлетворяющими потребностям и желаниям местного населения и остается еще много ожидать от дальнейшего практического применения начал, положенных в основу этой деятельности, но, тем не менее, само дело судебной реформы можно считать поставленным на правильную дорогу и ... оно, во всех отношениях, представляет заметное улучшение в отправлении правосудия, сравнительно с прежним порядком» [10].

Несмотря на наличие довольно серьезных изъятий из Судебных Уставов 1864 г., проведение судебных преобразований на территории Северного Кавказа стало важным шагом вперед по пути становления новой судебной системы, основанной на буржуазных нормах и принципах права. Как видим, подготовка и проведение судебной реформы на Дону и Северном Кавказе существенным образом отличались от осуществления судебных преобразований в центральных губерниях России.

Литература

1. *Краковский К.П.* Судебная реформа в Земле войска Донского. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1981.
2. Государственный архив Ростовской области.
3. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 21. СПб., 1907.
4. Донские Войсковые Ведомости. 1862. № 25-28.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.
6. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1826-1884. СПб., 1885. Т. 41.

8. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1990.
9. Эдиева Ф.Д. Обычное право в системе общественных отношений карачаевцев в дореволюционный период // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1985.
10. Государственный архив Российской Федерации.

© 2007г. М.С. Савченко

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

Исследование системы управления с позиции теории и истории государства и права является в настоящее время для отечественной науки одной из наиболее важных задач. Это объясняется тем, что управление, с одной стороны, во многом определяет механизм функционирования ряда государственно-правовых институтов, а с другой – реформы управления отражают существенные изменения в жизни государства и общества и подводят итог таким изменениям. Поэтому необходимо изучение теоретических и прикладных проблем функционирования органов управления, способов и средств их решения. Современный интерес к опыту реформ досоветского периода вызван шагами, которые предпринимаются сегодня в ходе реформирования административной системы как в России в целом, так и в южно-российском регионе в частности. Являясь социальной структурой, управляемой центральным правительством и в то же самое время представляющей достаточно цельный и во многом самоорганизующийся механизм, казачество имперского периода представляет собой актуальную модель для изучения опыта организации управления в дореволюционный период. Необходимость установления для казачества юга России особой организации управления была обусловлена особенностями развития государства. Казачьи войска формировались по разным схемам на окраинах империи и отличались от населения центральной России, которую в то время можно было рассматривать в качестве метрополии, специфичностью культуры, менталитета, правового статуса. В XVIII – первой половине XIX в. система управления казачества получила значительное развитие. Именно в это время происходило включение существовавших до XVIII в. групп казачества в государственный механизм России. До включения казачества в состав российского государства оно было самоуправляющимся сообществом. С подчинением в 1721 г. Военной Коллегии по инициативе центрального правительства происходят изменения организационно-правовых основ управления казачьими войсками. Существенное влияние на становление системы управления оказала особенность их происхождения и территориального расположения.

Приоритет в административных преобразованиях принадлежал донскому казачеству в силу его старшинства среди казачьих войск юга России. Это выражалось в устойчивой практике принятия властями Империи нормативных актов первоначально для Донского войска с последующим распространением на другие войска юга России. Особенностью Донского войска, как и терско-гребенского казачества, было то, что оно возникло в результате стихийной народной колонизации. Первоначально в решении внутренних вопросов донское казачество было полностью самостоятельным. Высшим органом власти являлся войсковой круг, совмещавший функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Однако, к середине XIX в. войсковой круг заменяется новым органом – Войсковой Канцелярией, которая хотя и была коллегиальным учреждением, но подчинялась войсковому атаману, назначаемому центральным правительством. Главнейшей задачей всех дальнейших изменений, проводимых в войсковых структурах управления в конце XVIII – начале XIX в., было ограничение самостоятельности Войска Донского. Это ограничение происходило путем изъятия из компетенции войска выборов атамана и введения в высший войсковой орган управления должности прокурора, которая с 1802 г. стала в войске постоянной. Вместе с тем донскому казачеству была оставлена возможность выбора должностных лиц в Войсковую Канцелярию. Формирование терского казачества также происходило в условиях военной и хозяйственной колонизации окраин империи. Но терское казачество располагалось, в отличие от донского, в наиболее удаленном, конфликтоопасном и нестабильном в социально-политическом отношении регионе юга России. Высокая степень разнородности и территориальная разобщенность терского казачества, постоянное военное противостояние с различными противниками явились причиной установления такой организации управления, которая определялась в очень значительной степени опытом военных действий. Уже к середине XVIII в. устройство в казачьих войсках, расположенных на Кавказской линии, было максимально приближено к регулярным войскам. Центральное правительство проводит реорганизацию управления терским казачеством, направленную на укрепление единоначалия и ликвидации выборности должностных лиц. В отличие от донского и терского, кубанское (черноморское) казачество возникло в результате организованного переселения волевым решением власти для охраны военно-пограничной линии и экономического освоения края. Основной тенденцией развития его системы управления является усиление

регламентации со стороны имперских органов власти. Преобразования управления донского, терского и кубанского казачества до середины XIX в. затрагивали только структуры высшего войскового управления, не касаясь станичного, которое по-прежнему регламентировалось нормами обычного права. Одним из самых важных фактов в истории развития административного управления казачьих войск юга России в первой половине XIX в. было принятие Положения об управлении Войска Донского 1835 г. Данный нормативный акт существенно изменил порядок управления войском и послужил образцом при составлении положений для других казачьих войск. Этим Положением войсковое управление было разделено на военное и гражданское, образована дифференцированная система административных учреждений, с четким определением функций каждого из них. Вместе с тем, Войско Донское было включено в систему государственного управления, тем самым, утратив автономию и прежние демократические права. Поиск эффективной организации управления казачеством Кавказа завершился принятием Положения о Черноморском казачьем войске в 1842 г. и Положения о Кавказском линейном казачьем войске 1845 г., главным основанием для которых послужило Положение 1835 г. с изменениями, вызванными местными особенностями. Можно сделать вывод об использовании центральной властью в определении правового статуса казачества юга России методики апробирования новых нормативных актов на Донском войске с последующим распространением основных положений данных актов на другие войска юга России. Учет местных особенностей в ходе распространения действия нормативного акта на казаков Кубани и Терека осуществлялся путем внесения существенных изменений в правовые нормы актов для донского казачества. Новые нормативные акты в исследуемый период для казачьих войск юга России разрабатывались в течение длительного времени (7–10 лет). При этом ущерб от продолжавших функционировать неэффективных нормативных документов уменьшался тем, что многие важные вопросы решались в тот период в казачьей среде не на основе государственных установлений, а в силу норм обычного права и традиции. Контроль позитивного закона над жизнью казачества не был тотальным, что обеспечивало минимизацию ущерба от неполноты и несовершенства имперского законодательства. Принципы организации управления казачьими войсками юга страны менялись под воздействием политики российского государства. Изменение принципиальных подходов центральной власти к управлению казачеством в рассматриваемый период имело последовательную динамику: от полного невмешательства в структуру управления казачьими войсками центральная власть перешла в XVIII в. к контролю за деятельностью войсковых органов управления, постоянная реорганизация которых свидетельствует о поиске правительством методом «проб и ошибок» эффективной системы управления, приемлемой для обеих сторон. Во второй половине XIX в. после окончания Кавказской войны освоение и защита приграничных районов перестали быть первоочередной задачей. Несмотря на это, государство все же оставалось заинтересованным в сохранении казачества как особого сословия, традиционно преданного империи. В связи с изменившимися социально-экономическими условиями стала очевидной необходимость преобразования системы управления казачьих войск для развития их в гражданском отношении и создания механизма взаимодействия с неказачьими структурами. Поэтому с начала 60-х гг. XIX в. центральная власть начинает подготовку и осуществление реформы управления, преследуя при этом двойственную цель: предоставить казачьему населению гражданские права и сохранить сословную организацию казачества с особым военным устройством. В соответствии с этой целью основные изменения системы управления были связаны со сближением законодательства и практики управления казачьими войсками с общеимперскими и уравниванием, насколько это возможно, казаков в правах с гражданским населением. Однако четкой долговременной программы действий по реорганизации устройства казачьих войск правительство не имело. До этого времени образцом для Положений о казачьих войсках являлось Положение об управлении Войском Донским 1835 г., примененное к Черноморскому и Кавказскому линейному казачьим войскам с отступлениями, соответствующими местным условиям. Но в 60-е гг. XIX в. этот порядок уже не мог иметь места. На завершающем этапе Кавказской войны возникла необходимость изменить военную организацию черноморского и линейного казачества. В 1860 г. Кавказская линия была разделена на Кубанскую и Терскую области и образованы Кубанское и Терское казачьи войска. При образовании Кавказских казачьих войск звания наказных атаманов этих войск были соединены со званиями начальников Кубанской и Терской областей с присвоением прав губернаторов и командующих войсками названных областей. Между тем, войсковой наказной атаман Войска Донского не имел звания начальника Области Войска Донского. Но ему были предоставлены более широкие полномочия, чем наказным атаманам Кубанского и Терского казачьих войск – по гражданскому управлению он имел права генерал-губернатора. Это означало, что, помимо административного надзора, в его полномочия входил еще и политический надзор, направленный на регулирование деятельности местной администрации в соответствии с конкретными целями и задачами, обозначенными центральной государственной властью. Таким образом, при всем внешнем сходстве систем управления казачьими войсками юга России, они были на практике существенно дифференцированными.

Исследование показало, что в этот период при разработке основ законодательства об управлении и самоуправлении казачества законодатель стремился к тому, чтобы включить все население казачьих территорий в складывающуюся систему управления, исходя из принципов российских законов о местном управлении, принятых в 60-е гг. XIX в. Составными элементами политики государства по унификации управления явились следующие меры: преобразование войскового управления в областное с правами губернского учреждения; предоставление управлениям округов и отделов прав уездных учреждений;

введение на территории Войска Донского земских учреждений; упразднение войсковых дежурств и замена их войсковыми штабами со структурой и полномочиями военно-окружного управления. С одной стороны, нельзя отрицать большого значения реформ управления казачьих войск в 60–70-е гг. XIX в., которые явились важным шагом по пути социально-правового сближения казачества с остальным населением под общим гражданским управлением и сохранения обособленности только в военном устройстве. Но, с другой стороны, установленная законодательными актами организация войскового управления и местного самоуправления не лишена была значительных недостатков. К их числу следует отнести подчинение казачьего населения одновременно двум властям: военной и гражданской, с преобладающим влиянием последней и устранение войсковой администрации от контроля за деятельностью станичных сходов. Анализ преобразований управления казачеством, проводимых с начала 60-х до середины 80-х гг. XIX в., показал, что, несмотря на сближение системы управления казачьего и остального населения империи, добиться их полной идентичности не удалось. Это объясняется трудностью согласования общегражданских интересов с теми требованиями, которые предъявлялись к казачеству как к военному сословию. С целью сохранения казачества как государственной военно-охранной силы и устранения названных выше недостатков были проведены новые преобразования местного управления казачьих войск. Основные изменения системы управления, произошедшие в этот период, отражены в нормативно-правовых актах: «Положении об устройстве гражданского и военного управления в шести округах области Войска Донского» 1885 г. [4], «Учреждении Управления Кавказского края» 1886 г., «Учреждении управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» 1888 г., «Положении об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г., «О расширении прав областных, войсковых и войсковых хозяйственных правлений казачьих войск» 1910 г. [1, с. 33-40]. Введя в действие эти нормативные акты, центральные власти осуществили следующие преобразования: местное население, как казачье, так и неказачье, было подчинено в административном отношении Военному министерству; гражданское и военное управление округами объединено в одно учреждение подчиненное окружному атаману; высшее управление Кавказских казачьих войск сосредоточено в лице войскового наказного атамана, с присвоением этого звания командующему войскам Кавказского военного округа; введены значительные ограничения местного самоуправления.

Таким образом, проводя реорганизацию системы управления с середины 80-х гг. XIX в. до 1917 г., центральное правительство пыталось сохранить сословную замкнутость и эффективную военную организацию казачества с целью усиления подготовленности казачьих войск для выполнения ими функций защиты государства и политического режима. В целом во второй половине XIX – начале XX вв. не сложилось законченной системы управления казачьими войсками, в полной мере отвечающей потребностям времени и интересам центральной российской власти. Постоянные изменения в государстве требовали поиска адекватных мер по сохранению либо изменению существующего порядка управления казачеством. Необходимо отметить, что правительству через реорганизацию системы управления и самоуправления удалось найти способы к сохранению в казачьей среде своей социальной опоры. Однако эти меры не могли полностью нейтрализовать стремление к ликвидации сословной замкнутости и законодательных ограничений в условиях развития капиталистических отношений. Изучение исторического опыта организации управления позволяет делать обоснованные выводы о социально-экономических последствиях конкретных преобразований системы управления, что чрезвычайно важно для прогноза эффектов реформирования в современных условиях. При разработке и осуществлении реформы управления «представляется особенно ценным опыт сочетания правовых и социальных механизмов и четкое обозначение приоритетов социальной политики» [2, с. 203].

Литература

1. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1910 г. Т. 46. СПб., 1911.
2. Курдюк П.М. Местное самоуправление в традициях гражданского опыта стран Запада (опыт сравнительно-правового исследования). СПб., 2000.